

МНЕМО-ТЕХ

КНИГА ПЕРВАЯ:

ЭХО ЧУЖИХ ЖИЗНЕЙ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТЕХНОТРИЛЛЕР

МНЕМО-ТЕХ
ПАМЯТЬ — ЭТО РЕСУРС

НИЖНИЙ
ГОРОД

ПАЦИЕНТ #404
АННА

МНЕМО-ТЕХ

КАПСУЛА ПАМЯТИ

ОБЪЕКТ: 404

СТАТУС: УТРАЧЕНА

ВЛАДИМИР КОТОК

2026 г.

Эхо чужих жизней

Владимир Коток

ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ ЧИСТОТЫ

Глава 1. Белый шум

Каждый человек оставляет после себя след, но пациенты клиники «Мнемо-Тех» приходили сюда именно за тем, чтобы этот след стереть.

Максим сидел перед экраном операторского пульта, вглядываясь в трехмерную проекцию человеческого гиппокампа. На голографической матрице он выглядел как неоновое-зеленое кружево, опутанное тонкими, пульсирующими нитями синаптических связей. В одном из секторов — там, где кодировалась долгосрочная эмоциональная память — это кружево нарывало багровым, воспаленным узлом.

Это был ПТСР. Воспоминание об автокатастрофе.

— Пациент готов к экстракции, — ровный, лишенный интонаций голос ИИ-ассистента раздался над ухом. — Уровень седации — восемьдесят процентов. Стабилизаторы синапсов введены.

Максим бросил взгляд через панорамное стекло в стерильный бокс. На операционном столе покоилось тело Олега — профессионального автогонщика. Его голова была зажата в массивном кольце нейро-сканера, а к вискам прилегли охлаждающие гелевые подушки. Всего три месяца назад Олег на скорости сто восемьдесят километров в час влетел в бетонное ограждение. Сам он выжил. Его штурман и лучший друг сгорел в заклинившей кабине. С тех пор Олег не мог спать, не мог видеть огонь и трезветь.

— Начинаем, — негромко произнес Максим.

Его пальцы привычно легли на сенсорную панель. Лазерные манипуляторы сканера над головой Олега тихо жужжали, меняя угол наклона.

Работа нейро-чистильщика больше всего походила на работу сапера или ювелира. Нужно было не просто выжечь кусок ткани — мозг этого не прощал. Требовалось ювелирно точно подрезать «якоря» — ассоциативные связи. Запах жженой резины. Звук сминаемого металла. Крики. Если убрать саму аварию, но оставить эти триггеры, пациент сойдет с ума от беспричинного, удушающего ужаса.

Максим выставил частоту излучения. Экран замигал. Он погрузился в интерфейс, активируя режим синаптического резонанса.

На мгновение его собственное сознание качнулось, соприкасаясь с краем чужого ментального поля. Это была контролируемая диффузия — неизбежное зло профессии. Максим зажмурился. Перед его внутренним взором пронеслась бешеная круговерть: асфальт, летящий навстречу, визг тормозов, внезапный, ослепляющий удар и невыносимый, неестественный жар, от которого плавился шлем. А затем — чужой, разрывающий легкие крик.

Максим резко выдохнул, его пальцы на панели сделали финальное отсекающее движение.

Световой маркер на голограмме сменился с багрового на ровный, успокаивающий изумрудный. Нейронная сеть Олега перестроилась, мгновенно затягивая образовавшуюся пустоту новыми, безопасными синапсами. Мозг поверил, что в тот день гонка просто отменилась из-за дождя. Штурман? Штурман погиб, да, но где-то далеко, на других соревнованиях. Спокойно. Безболезненно.

— Экстракция завершена, — доложил ИИ. — Продукт изолирован.

Из паза в консоли с сухим щелчком выдвинулся металлический пенал. Внутри него, в прозрачной крио-капсуле, светился крошечный, размером с бусину, кристалл био-геля. В этой бусине теперь был заперт весь тот ад, который уничтожал Олега последние три месяца.

Максим взял капсулу пинцетом, наклеил штрих-код с номером «Пациент 403» и опустил её в приемник пневмопочты. Капсула с тихим свистом улетела вниз, в недра главного архива корпорации «Мнемо-Тех». Официально — на вечное хранение до утилизации.

Через полчаса Олег уже сидел в приемном покое. Он пил воду из пластикового стаканчика, растерянно глядя перед собой. На его лице больше не было той дикой, затравленной судороги, с которой он переступил порог клиники утром.

— Ну как вы? — Максим подошел, пряча руки в карманы белоснежного медицинского халата.

Олег поднял на него глаза. Чистые, слегка сонные глаза здорового человека.

— Знаете, доктор... как-то странно. Будто из головы вытащили осколок, который мешал повернуть шею. Я помню, что была авария. Помню, что Серёги больше нет. Но... мне больше не больно. Это нормально?

— Это именно то, за чем вы пришли, — мягко улыбнулся Максим. — Возвращайтесь к жизни, Олег. Больше этот огонь вас не догонит.

Выйдя из клиники поздно вечером, Максим сразу почувствовал, как город давит на виски. Мегалополис гудел, дышал влажным смогом и слепил глаза неонам рекламных голограмм, парящих между небоскребами. На огромных экранах счастливые люди беззаботно улыбались под слоганом: «Мнемо-Тех». *Ваше прошлое принадлежит только вам. Оставьте лишнее нам».*

Максим добрался до своего жилого блока в спальном секторе, поднялся на сороковой этаж и зашел в квартиру.

Его жилье было верхом минимализма. Серая отделка, встроенная в стену кровать, пустой стол и панорамное окно с видом на бесконечные огни внизу. Здесь не было ни фотографий, ни памятных безделушек, ни сувениров. Ничего, что указывало бы на личность владельца.

Максим подошел к зеркалу в ванной. Из отражения на него смотрел мужчина лет тридцати пяти, со спокойным, даже немного жестким лицом, внимательными серыми глазами и первыми нитями седины на висках.

Он открыл навесной шкафчик и достал оттуда пластиковый тюбик с маркировкой «Супрессол-В». Корпоративные блокаторы синаптической диффузии. Каждый чистильщик был обязан принимать их ежедневно. Профессия накладывала отпечаток: постоянный контакт с чужими ментальными следами мог вызвать «наведенные воспоминания», когда чужая жизнь начинает казаться своей. Блокаторы наглухо цементировали собственные нейронные связи, не

позволяя чужеродным остаткам прижиться в голове.

Максим выдавил на ладонь две синие капсулы, закинул их в рот и запил водой прямо из-под крана.

Его собственное прошлое до тридцати лет было туманным. Он знал свою биографию: медицинский университет, интернатура, контракт с «Мнемо-Тех». Но эти знания были плоскими, словно заученный текст из учебника. Он не помнил вкуса пирога, который мама пекла ему в детстве, не помнил имени первой девушки, не помнил своего первого страха. «Профессиональная деформация, — равнодушно говорили врачи на ежемесячных осмотрах в корпорации. — Плата за пластичность мозга. Главное, что вы лучший в своем деле, Максим».

Он лег на кровать, не раздеваясь. Блокаторы начали действовать, разливая по телу привычный, тяжелый холод. Мысли очистились, превращаясь в ровный, безликий белый шум.

Максим закрыл глаза, зная, что ему, как и всегда, ничего не приснится. Контур был закрыт. Душа была стерильна.

По крайней мере, он так думал.

Глава 2. Пациентка № 404

Следующее утро началось не с привычного белого шума, а с резкого, дребезжащего звука внутренней связи. Максим открыл глаза. Холод блокаторов еще держался в суставах, но под веками уже пульсировало неприятное, сухое напряжение.

— Максим, срочный вызов в бокс «Альфа», — голос старшего администратора клиники звучал непривычно напряженно. — Доставлен спецобъект. Процедура назначена без предварительной экспертизы, высший приоритет корпорации.

Через десять минут Максим уже входил в стерильную зону. Возле дверей бокса дежурили двое мужчин в глухих темных костюмах с корпоративными знаками СБ — Службы Безопасности «Мнемо-Тех». Лица каменные, руки скрещены на поясе. Они даже не повернули голов, когда Максим прошел мимо.

Внутри бокса атмосфера была далека от штатной. У пульта суетился сам главврач, доктор Шеффер — грузный мужчина с вечно потными ладонями, который обычно появлялся в клинике только ради визитов акционеров.

— А, Максим, наконец-то! — Шеффер нервно вытер лоб платком. — Садись за пульт. Случай тяжелейший. Если мы не уберем это сейчас, её мозг просто выгорит от перегрузки амигдалы. Коллапс сознания через пару часов.

Максим подошел к панорамному стеклу. На операционном столе, пристегнутая к фиксаторам кожаными ремнями, металась девушка. На вид ей было не больше двадцати пяти. Её тело выгибалось дугой, пальцы судорожно скрючивались, словно она пыталась ухватиться за воздух, а из-под закрепленного на голове нейро-шлема по бледным щекам катился пот. Губы девушки беззвучно шевелились, срываясь на беззвучный, удушливый крик.

— Кто она? — спросил Максим, активируя диагностическую панель.

— В базе данных она идет как Пациентка № 404. Анна, — Шеффер понизил голос до шепота, косясь на закрытую дверь бокса. — Единственная выжившая свидетельница по делу Кукольника.

Максима словно ударило слабым током. О Кукольнике говорил весь город. Маньяк, психопат, гений подпольной хирургии — пресса называла его по-разному. Он похищал людей, но не просто убивал их. Он превращал их смерть в детально отрежиссированные, жуткие перформансы, заставляя близких смотреть на это. Полиция и СБ корпорации сбились с ног, пытаясь выйти на его след, но убийца не оставлял ни биологических следов, ни цифровых отпечатков.

— Он ворвался в их дом ночью, — продолжал быстро говорить Шеффер. — Связал эту девочку, Анну. И на её глазах в течение четырех часов... в общем, её сестру собирали по частям. Кукольник оставил Анну в живых умышленно. Он назвал её своим «главным зрителем». Её нашли полисмены три часа назад. Она в глубоком шоке. Мозг зациклился на моменте убийства, идет лавинообразный выброс кортизола и адреналина.

Максим взглянул на мониторы. Графики ментальной активности Анны выглядели как кардиограмма умирающего от инфаркта — безумные пики, черные провалы. Воспоминание сидело в её голове гигантским, пульсирующим раком, пожирающим личность.

— Нам приказано стереть всю эту ночь под ноль, — Шеффер ткнул пальцем в экран. — Полная экстракция. Родственников не осталось, согласие подписано опекуном советом корпорации. Работай, Максим. Ювелирно. Если повредишь языковой центр или долгосрочную память — она останется овощем.

— Понял. Выйдите из бокса, доктор. Вы мне мешаете, — холодно отрезал Максим.

Шеффер с облегчением выскочил за дверь. Максим остался один лицом к лицу с Анной, отделенный от неё лишь бронированным стеклом.

Он сел в кресло оператора, глубоко вздохнул и опустил ладони на сенсоры управления. Нейро-разъем на затылке привычно кольнуло — его разум соединился с системой.

— Ввод седативных на максимуме, — скомандовал Максим ИИ-ассистенту. — Начинаю синхронизацию полей.

Голограмма гиппокампа Анны развернулась в воздухе. Она не была неоновозеленой, как у вчерашнего гонщика. Она была багрово-черной, сочащейся цифровым «гноем». Воспоминание о пережитом ужасе пустило метастазы во все слои её сознания.

Максим начал осторожно подводить лазерные маркеры к основанию ментального узла. Чтобы вырезать этот кошмар, ему нужно было на долю секунды поднять уровень диффузии чуть выше нормы — иначе не нащупать границы пораженной зоны.

— Внимание, — предупредил ИИ. — Уровень ментального проникновения — двенадцать процентов. Опасность наведенного эха.

— Держать контур, — сквозь зубы процедил Максим.

И в этот миг его сознание пробило защитный барьер. Он провалился в её память.

...Темнота. Запах старого дерева, сырости и... дорогого парфюма с нотками сандала.

Диссонанс, бьющий по рецепторам. Вспышка желтого света от старой настольной лампы. На полу — её сестра, привязанная к тяжелому стулу, с кляпом во рту. Глаза сестры расширены от ужаса, из-под повязки течет кровь. И силуэт. Кто-то стоит спиной к Анне. Высокий мужчина в безупречно скроенном пальто. Он медленно надевает тонкие хирургические перчатки. Металл инструментов на столике тихо, мелодично звенит. Мужчина поворачивается...

Максим почувствовал, как его собственное сердце готово разорвать грудную клетку. Ужас Анны, её беспомощность, её безмолвный крик — всё это хлынуло в его синапсы. Но лицо убийцы... Лицо было скрыто маской. Белая, фарфоровая театральная маска с застывшей, гротескной улыбкой. Кукольник.

Мужчина в маске сделал шаг к Анне, наклонился, и Максим услышал его голос — низкий, бархатистый, пугающе спокойный шепот: — *Смотри внимательно, Анечка. Искусство требует сопережи...*

— Хватит! — крикнул Максим вслух в пустой операторской.

Его пальцы судорожно ударили по сенсорам, активируя экстрактор на полную мощность. Лазерные маркеры сомкнулись, словно гильотина. Багрово-черный узел на голограмме был срезан одним чистым, яростным импульсом.

Экран моргнул. Графики на мониторах мгновенно поползли вниз, выравниваясь в ровные, спокойные нити.

В боксе Анна резко обмякла на столе. Её дыхание стало глубоким, ровным. Лицо разгладилось. Кошмар ушел, забрав с собой боль, страх и саму память о том, что у неё когда-то была сестра.

Максим тяжело дышал, сорвав с затылка нейро-разъем. Его лоб был мокрым.

С сухим щелчком из консоли выдвинулся металлический пенал. Внутри крио-капсулы медленно пульсировал био-гель, вобравший в себя самую страшную ночь в жизни этой девушки. На этот раз кристалл внутри капсулы светился не обычным синеватым светом, а тусклым, ядовито-бордовым оттенком.

Максим взял капсулу. Его пальцы заметно дрожали. Он наклеил код: «Пациентка № 404. Экстракт ПТСР. Высший уровень секретности».

Через полчаса процедура была полностью завершена. Шеффер лично, рассыпаясь в комплиментах, забрал капсулу и унес её в сторону лифтов СБ. Анну перевели в палату реабилитации — через пару часов она проснется абсолютно здоровой, чистой женщиной, для которой вчерашнего дня просто никогда не существовало.

Максим сидел в своем кабинете, глядя на стакан с водой. Внутри него росло странное, липкое чувство тревоги. Образ фарфоровой маски и этот тихий, бархатистый шепот — *«Смотри внимательно, Анечка...»* — никак не хотели исчезать из его головы.

«Блокаторы, — подумал он. — Срочно нужны блокаторы. Диффузия была слишком глубокой».

Он вынул из кармана тубик с «Супрессолом-В», выдавил сразу три капсулы вместо двух и резко проглотил их. Тяжелый, привычный холод послушно пополз по венам, гася остатки чужих эмоций, стирая отзвуки чужого шепота.

Максим закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, погружаясь в спасительный, стерильный белый шум. Он сделал свою работу. Он спас еще одну жизнь.

Он еще не знал, что эта ночь станет последней спокойной ночью в его жизни.

Глава 3. Ночь отката

Белый шум оборвался мгновенно, словно кто-то с корнем выдернул силовую кабель из разъема.

Максим распахнул глаза. В комнате стояла кромешная, удушливая тьма. Автоматическая подсветка плинтусов, которая должна была мягко реагировать на движение, не горела. За панорамным окном вместо привычного неоновое зарева мегаполиса расстилалась глухая, мертвая чернота — Нижний город накрыл веерный блэкаут, или же электроника его собственного жилого блока просто выключилась.

В следующую секунду его череп расколола такая дикая, пульсирующая боль, что Максим беззвучно застонал и рухнул с кровати на пол.

Это не было обычной мигренью. Чувство было такое, будто в его затылок под большим давлением закачивали раскаленный свинец. Мышцы шеи судорожно свело, к горлу подкатила тошнота.

— Эва... — хрипло выдавил он, пытаясь вызвать домашний ИИ. — Эва, медицинский протокол... три. Включить... свет.

В ответ тишина. Динамики молчали. Даже дежурный зеленый светодиод на панели кондиционера был мертв. Система умного дома не просто отключилась — она была заблокирована снаружи.

Максим лежал на холодном композитном полу, тяжело и прерывисто дыша. Его сердце колотилось в ушах, как бешеный метроном, совершая по полтора удара в минуту. «Откат», — вспыхнула в сознании паническая мысль. Профессиональный кошмар любого нейро-чистильщика. Синдром синаптического отторжения, когда чужие ментальные следы, вопреки всем законам биологии, начинают приживаться в чужом мозгу.

Но этого не могло быть. Он принял тройную дозу «Супрессола». Блокаторы должны были намертво забетонировать его синапсы.

Максим попытался подняться, опираясь на край стола, но колени не держали. Его тело больше ему не повиновалось. Защитные барьеры внутри гиппокампа, которые годами выстраивала химия корпорации, сейчас трещали и лопались, как перетянутые струны.

И сквозь эти прорехи в его сознание хлынул чужой, не принадлежащий ему мир.

Сначала это были просто обрывки сенсорного мусора. Вспышка дальнего света, бьющая по зеркалам заднего вида. Рев форсированного двигателя, переходящий в ультразвуковой визг. Максим физически почувствовал, как его ладони сжимают шершавую замшу гоночного руля, а подошва правого ботинка до упора вдавливая педаль газа в пол. «Олег, тормози! Тормози, сука!» — проревел в его голове чей-то чужой, сорванный голос, и рот Максима наполнился отчетливым, металлическим вкусом крови.

— Нет... — прохрипел Максим, хватаясь за голову. — Это не мое. Это Пациент четыреста три. Я стер это вчера... Я стер это!

Не успел он вытеснить образ летящего навстречу бетонного ограждения, как декорации в его голове сменились с калейдоскопической быстротой. На смену реву мотора пришел леденящий, утробный ужас. На этот раз это был страх — чистый, концентрированный, бабий страх перед кем-то, кто медленно поднимает тяжелый кожаный ремень с массивной бляхой. Максим почувствовал себя маленьким, незащищенным, сжавшимся в комок на грязном линолеуме, пока над ним выростала огромная, уродливая тень.

Его тело в реальной темноте квартиры послушно сжалось в позу эмбриона. Из глаз брызнули слезы, которых он не мог контролировать. Память женщины, пережившей домашнее насилие. Еще один старый слепок. Ещё одна «удаленная опухоль».

Все те призраки, которых он месяцами, ювелирно орудуя лазерными маркерами, вырезал из чужих голов, не растворились в недрах архивов «Мнемо-Тех». Они были здесь. Они просыпались внутри него. Кто-то целенаправленно нейтрализовал блокаторы в его крови и взломал его ментальные фильтры, превратив его собственный разум в братскую могилу чужих кошмаров.

Максима рвало желчью на темный пол. Он скреб ногтями пластиковую обшивку стен, пытаясь удержаться за ускользающую реальность, за свое собственное имя.

— Меня... зовут... Максим, — хрипел он, сплевывая кровь с прокушенной губы. — Я... врач. Я чистильщик. Клиника «Мнемо-Тех»...

Но лавина чужого безумия только набирала обороты. Предыдущие воспоминания были лишь прелюдией. Настоящий удар ждал его впереди.

Словно огромная черная волна, из глубины подсознания поднялся последний, самый свежий пласт информации. Пространство вокруг Максима перестало быть его квартирой. Темнота сгустилась, обретая форму, запах и плотность.

В нос ударил резкий, въедливый аромат дорогого парфюма с тяжелыми нотами сандала. В ушах зазвенел тонкий, мелодичный звук соприкасающихся хирургических инструментов.

Это была ночь Пациентки № 404. Ночь Анны.

Но Максим больше не сидел за операторским пультом. И он не был привязан к стулу, как несчастная сестра девушки. Границы его восприятия вывернулись наизнанку.

Он стоял на ногах. На его руках были надеты тонкие, до скрипа натянутые латексные перчатки. Он чувствовал приятную, дорогую тяжесть безупречно скроенного пальто на своих плечах. Он смотрел на распластанную на стуле жертву сверху вниз — и внутри него не было ни капли жалости. Только холодный, расчетливый, почти божественный восторг творца, приступающего к созданию шедевра.

Максим поднял свою правую руку в темноте квартиры. И его пальцы, подчиняясь наведенной галлюцинации, сами собой сжались так, словно они держали узкое, идеально сбалансированное лезвие скальпеля.

Он помнил этот ракурс. Он помнил, как повернул голову к замершей в углу Анне. И его собственные губы в пустой, обесточенной комнате шевельнулись, послушно воспроизводя

чужой, бархатистый, пугающе спокойный шепот:

— Смотри внимательно, Анечка. Искусство требует сопереживания.

Глава 4. По ту сторону ножа

Эхо чужого голоса еще вибрировало в гортани, когда наваждение начало медленно отпускать. Максим рухнул лицом на холодный композитный пол, лоя ртом воздух, словно вынырнувший из глубины ныряльщик.

Сандаловый аромат рассеялся. В нос снова ударил привычный, стерильный запах пластика и чистящих средств. Сердце в груди совершало безумные, неритмичные скачки, но лавина воспоминаний наконец остановилась, оставив после себя выжженную пустыню и звенящую, ледяную тишину.

Максим лежал неподвижно около десяти минут. Мышцы подергивались от пережитого нейрошока. Постепенно к пальцам вернулась чувствительность. Он приподнялся на локтях, чувствуя, как внутри черепа, словно осколки разбитого стекла, перекатываются чужие мысли.

«Этого не может быть, — лихорадочно думал он, вытирая рукавом липкий пот со лба. — Ракурс. Это был не тот ракурс».

Когда чистильщик погружается в ментальное поле пациента, он всегда видит картину его глазами. Это закон нейро-диффузии. Вчера на операционном столе он сопереживал Анне, видел комнату из её угла, снизу вверх, сквозь пелену ужаса. Но то, что произошло сейчас... Это не было памятью Анны.

Он помнил это место с высоты собственного роста. Помнил, как латекс перчаток плотно облегал фаланги пальцев. Помнил холодную, отстраненную текстуру рукоятки скальпеля.

«Меня взломали, — Максим зажмурился, пытаясь остановить дрожь в руках. — Кто-то залил мне в голову зеркальный слепок. Копию памяти самого Кукольника. Корпорация... или кто-то с черного рынка».

Но логика, профессиональная логика нейрохирурга, безжалостно подсказывала другой вариант. Блокаторы. Тройная доза «Супрессола-В» должна была выжечь любые наведенные галлюцинации. Она не сработала не потому, что препарат был просрочен. А потому, что эти воспоминания не были внешними. Они не пытались прижиться в его гиппокампе — они прорастали из его собственной, глубокой, заблокированной памяти. Из той самой «слепой зоны», которую корпорация называла профессиональной амнезией.

— Нет, — прошептал Максим в темноту. — Нет. Это заговор. Меня делают козлом отпущения. Корпорация решила повесить на меня дела маньяка, чтобы закрыть отчетность перед СБ. Они подменили слепки.

Он должен был доказать себе, что это ложь. Что его дом — это дом врача, а не монстра.

Кое-как поднявшись на ноги, Максим пошатываясь пошел по темному коридору. Электричество так и не появилось. Он достал из кармана халата, брошенного на стул, портативный диагностический фонарик. Узкий, резкий луч холодного белого света разрезал мрак квартиры.

Световое пятно заскользило по гладким серым стенам. Минимализм. Никаких лишних деталей. Никакого намека на то, что здесь живет чудовище.

Максим подошел к большому декоративному зеркалу в прихожей, вставленному прямо в композитную панель стены. Его отражение в луче фонаря выглядело ужасно: мертвенно-бледная кожа, запавшие глаза, безумный взгляд, ниточка засохшей крови у губы.

Внезапно его правая рука сама по себе, без осознанного приказа, поднялась и коснулась матового пластикового канта сбоку от зеркала.

Пальцы двигались уверенно, с пугающей механической точностью, словно подчиняясь мышечной памяти, которая была старше и сильнее его нынешнего «Я». Максим затаил дыхание, наблюдая за собственной рукой. Пальцы скользнули чуть ниже, нащупали едва заметный, микроскопический зазор между панелями и с силой надавили в определенной последовательности: два коротких нажатия, одно длинное.

Внутри стены что-то тихо, маслянисто щелкнуло.

Зеркало вместе с куском пластиковой обшивки плавно подалось вперед и отъехало в сторону на скрытых магнитных рельсах. За ним открылась глубокая, врезанная в несущую конструкцию дома ниша. Тайник.

Максим почувствовал, как воздух застрял у него в горле. Он медленно навел луч фонарика вглубь открывшегося пространства.

На аккуратных металлических полках, подсвеченные тусклым автономным питанием сейфа, лежали предметы. Это была не медицинская аппаратура. И не ампулы с препаратами.

На верхней полке в ряд стояли маленькие прозрачные пластиковые контейнеры. Внутри каждого из них покоился трофей. Серебряная заколка для волос с гравировкой в виде лилии. Дешевое кольцо с искусственным изумрудом, деформированное, словно его сорвали с пальца с силой. Тонкий плетеный браслет со следами бурых, въевшихся пятен.

Максим помнил эти вещи. Не из своей жизни — из криминальных хроник, которые крутили по голо-каналам последние три года. Это были личные вещи жертв Кукольника. Каждая из этих женщин числилась погибшей или пропавшей без вести.

На нижней полке сейфа лежала плоская коробка из полированного черного дерева. Максим, словно двигаясь во сне, протянул руку и открыл крышку.

Внутри, на бархатной подложке, покоилась маска. Тяжелая, выполненная из тончайшего белого фарфора. Идеальные, застывшие черты лица, прорези для глаз и гротескная, застывшая улыбка, которая в свете фонарика казалась живой и издевательской.

Рядом с маской лежал набор хирургических скальпелей с матовыми титановыми рукоятками. На каждой рукоятке была выгравирована одна и та же аккуратная надпись: «Максим В.».

Узкий луч фонарика в его руке задрожал так сильно, что тени в прихожей пустились в безумный пляс. Фонарик выскочил из ослабевших пальцев, упал на пол и покатился, высвечивая углы пустой квартиры.

Максим отступил на шаг, спиной ударившись о противоположную стену, и медленно сполз по ней вниз. Его дыхание превратилось в хриплый, прерывистый свист.

Тайник за зеркалом был сделан не вчера. Пыль на пластике, потертости на коробке — всему этому были месяцы, если не годы. Это место принадлежало ему. Вещи принадлежали ему.

Он не был врачом, который случайно подцепил чужой вирус в операционной. Он был источником этого вируса.

В темноте, где-то на самой периферии его сознания, снова послышался тот самый бархатистый, леденящий шепот. Но на этот раз он не принадлежал призраку из воспоминаний. Он звучал изнутри его собственных мыслей, ласково и торжествующе:

«С возвращением домой, Максим. Нам предстоит еще столько работы».

Глава 5. Тайник в стене

Фонарик на полу продолжал светить тусклым, косым лучом, выхватывая из темноты угол черной бархатной подложки и край белой фарфоровой маски. Улыбка на её искусственном лице из-за игры теней казалась теперь не просто издевательской, а сочувствующей. Как у старого друга, который долго ждал твоего возвращения.

— Нет, — выдохнул Максим, зажимая уши ладонями. — Нет, нет, нет.

Голос в голове не исчезал. Он не был громким — обычная мысль, аккуратно уложенная между его собственным страхом и накатывающей тошнотой. Но эта мысль обладала идеальной, пугающей четкостью, какой никогда не бывало у смазанных наведенных галлюцинаций.

«Ты ведь сам всё понимаешь, Макс, — вкрадчиво шептало внутри. — Вспомни текстуру латекса. Вспомни баланс лезвия. Разве чужая память может сидеть в теле так... правильно?»

Максим рванулся вперед, схватил с пола фонарик и направил его прямо вглубь тайника. Рука ходила ходуном. Луч света прыгал по прозрачным контейнерам с вещами убитых женщин.

Заколка в виде лилии. Серебро. Пациентка № 212, Алина Кравцова. Два года назад. Максим помнил её дело. Точнее, он думал, что помнил его из выпусков новостей. Но сейчас, глядя на заколку, его мозг услужливо подкинул деталь, которой не было в криминальных сводках: у Алины на левой лопатке была крошечная татуировка в виде созвездия Кассиопеи. И когда её сердце остановилось, эта татуировка посинела первой.

«Откуда я это знаю?! — Максим закричал, и его собственный голос показался ему чужим, сорванным. — Откуда?!»

«Потому что ты смотрел, — ласково ответило подсознание. — Ты всегда смотрел очень внимательно. Это же искусство, забыл?»

Он схватил коробку из полированного дерева, вытряхнул маску на пол. Фарфор с глухим, опасным стуком ударился о композит, но не разбился. Рядом посыпались скальпели. Максим схватил один из них, прижал матовое титановое лезвие к собственному предплечью, сквозь тонкую ткань медицинского халата. Металл был холодным. Острым как бритва. Один нажим — и сталь легко вскрыет лучевую артерию.

— Это заговор, — хрипел он, глядя на скальпели. — Шеффер. Это Шеффер. Клиника... Они подбросили это сюда, пока я был на дежурстве. Они взломали мою квартиру. У них есть коды

доступа.

Но внутренний голос лишь снисходительно вздохнул:

«Шеффер? Этот жирный трус падает в обморок, если у пациента из носа идет кровь. Ты правда думаешь, что он способен срежиссировать *такое*? Кто рассчитал траекторию надрезов для сестры Анны? Кто перекрыл магистральные сосуды так, чтобы она оставалась в сознании до самого финала? Шеффер? Или лучший нейрохирург корпорации?»

Максим замер. Лезвие скальпеля едва заметно погрузилось в кожу, на белой ткани халата проступила крошечная, идеально круглая капля крови.

Все его тридцать пять лет жизни. Все его ровные, плоские воспоминания об учебе, интернатуре, ночных дежурствах — всё это вдруг показалось дешевой, наскоро состряпанной декорацией. Фанерой, за которой скрывался бездонный, сочащийся кровью подвал.

Корпорация не просто стерла ему память. Они создали «Максима-врача» из кусков «Максима-монстра». Они использовали его сверхпластичный мозг, его гениальные руки, чтобы он сам, лично, вычищал ментальные следы за своим собственным прошлым. Чистильщик, который убирает грязь за убийцей. Но чистильщик и есть убийца.

Внезапно в прихожей раздался тонкий, свистящий звук.

Максим вздрогнул и замер, не дыша. Звук повторился. Это был не голос в голове. Это был внешний, вполне реальный сигнал. На входной двери квартиры, прямо под потолком, трижды мигнул красный индикатор автономной системы блокировки.

Затем раздался тяжелый, металлический скрежет — так работают гидравлические распорки, когда дверь запечатывают снаружи в режиме карантина.

— Внимание, — прорезал темноту механический голос, но не его домашней Эвы, а чужой, тяжелый, системный голос Службы Безопасности «Мнемо-Тех». — В жилом блоке 40-12 зафиксирован критический уровень синаптической девиации сотрудника. Активирован протокол «Изоляция». Группа зачистки прибудет через четыре минуты. Оставайтесь на месте.

Максим медленно опустил скальпель.

Они узнали. Кража слепка Анны из клиники, его ночной криз, отключение блокаторов — корпоративные мониторы на затылке зафиксировали вспышку активности его гиппокампа. СБ уже знает, что «Врач» начал вспоминать «Кукольника». И живым его отсюда никто не выпустит.

Времени на панику больше не было. Четыре минуты.

В этот момент внутри него словно переключился тумблер. Страх, удушающая тошнота и паранойя Максима внезапно отступили, уступая место ледяному, расчетливому холоду. Этот холод не был результатом действия «Супрессола». Это был другой холод — профессиональный, хищный, принадлежащий тому, кто привык действовать в условиях абсолютного экстремума.

«Ну вот, — удовлетворенно констатировал внутренний голос. — Наконец-то ты начинаешь думать правильно. Дверь заблокирована. Лифты отключены. Твои действия, доктор?»

Максим поднялся с пола. Его движения стали быстрыми, четкими, лишенными прежней

вялости. Он не стал тратить время на то, чтобы убрать маску или скальпели обратно в сейф. Вместо этого он метнулся к шкафу, сорвал с себя белый медицинский халат и швырнул его в угол. Натянул глухую черную куртку, быстро рассовал по карманам портативный инъектор, оставшиеся ампулы с блокаторами (даже если они не работают, химический состав может пригодиться) и один из титановых скальпелей.

Он подошел к панорамному окну. Сороковой этаж. Внизу, сквозь густой смог, едва пробивались редкие огни обесточенного Нижнего города. Сильный дождь барабанил по сверхпрочному стеклу.

Уйти через дверь невозможно. Но этот дом строила та же корпорация, что и клинику. А Максим слишком хорошо знал анатомию этих зданий. Каждые десять этажей в жилых блоках имели технические короба вентиляции высокого давления и кабельные шахты для нейро-сетей.

Он повернулся к стене возле кухонного модуля. Где-то здесь должен быть ревизионный люк.

«Тридцать сантиметров вправо от распределительного щитка, — подсказала мышечная память. — Защелка с нижним фиксатором. Ты ведь сам проверял её, когда въезжал сюда три года назад. Точнее... когда мы обустраивали здесь базу».

— Заткнись, — процедил Максим сквозь зубы, но послушно шагнул к указанной точке.

Пальцы нащупали скрытый паз в стене. Щелчок. Тяжелая пластиковая панель отошла в сторону, открывая зев темного, вертикального колодца, откуда пахло озоном, сыростью и разогретым пластиком. Из глубины доносился тяжелый, мерный гул вентиляционных турбин.

Где-то далеко внизу, у подножья здания, послышался нарастающий, воющий звук сирен воздушных перехватчиков СБ «Мнемо-Тех». Группа зачистки уже летела.

Максим бросил последний взгляд на разбросанные по полу скальпели и белую фарфоровую маску, которая продолжала улыбаться ему из темноты.

— Меня зовут Максим, — повторил он, словно принося клятву, и повернулся спиной к комнате. — Я найду того, кто сделал это со мной. И я вырежу его из своей головы.

С этими словами он перемахнул через край люка и растворился в черной, гудящей пустоте технологической шахты, за секунду до того, как тяжелая входная дверь его квартиры разлетелась от направленного плазменного взрыва.

ЧАСТЬ II. РАСПАД СИНАПСОВ

Глава 6. План побега

Кабельный колодец встретил его ледяным сквозняком и запахом перегретой изоляции. Максим летел вниз в крошечной тьме, судорожно перебирая руками и ногами по техническим скобам, вбитым в бетонную стену шахты. Сверху, из провала его взорванной квартиры, донеслись глухие хлопки магнитных ботинок и резкие, отрывистые команды штурмовиков СБ:

— Чисто! Внутри никого! Объект ушел в ревизионный коллектор! Перекрыть секторы с тридцатого по сороковой!

Максим скользил по металлу скоб, сдирая кожу на ладонях. Боль была настоящей, острой, но она действовала как заземление, не позволяя чужим личностям внутри его головы поднять бунт. Но этот хрупкий баланс длился недолго.

На уровне тридцать пятого этажа технологический колодец резко сужался, переходя в горизонтальный рукав вентиляции высокого давления. Максим втиснулся в узкий жестяной гроб короба. Воздух здесь двигался с бешеной скоростью, забивая легкие и мешая дышать.

Внезапно в его затылке, прямо в районе нейро-разъема, вспыхнула короткая, ослепительная искра.

«Слишком медленно, док, — ворвался в его мысли новый голос. Он не был бархатным и вкрадчивым, как у Кукольника. Этот голос был хриплым, прокуренным и вибрировал от бешеного адреналина. — Тебя зажмут в этой трубе, как крысу. СБ умеет считать секторы. На выходе из вентиляции тебя уже ждут с плазменными резаками».

Максим замер, распластавшись в жестяном коробе.

«Кто ты? — мысленно спросил он, чувствуя, как к горлу подступает знакомый металлический вкус крови. — Кто здесь?»

«Олег я. Пациент четыреста три, — весело отозвался голос. — Помнишь гонку, которую ты у меня украл? Так вот, у парней из "Мнемо-Тех" реакция хорошая, но у меня — лучше. Сдай назад на три метра. Там кабельный отвод к лифтам внешнего фасада. Живее, пока они не пустили по трубе усыпляющий газ!»

Максим не стал спорить. Чужие рефлексy, проснувшиеся в его теле, сработали быстрее осознанной мысли. Он лихорадочно пополз назад, извиваясь в узком пространстве, как ящерица. Пальцы нащупали податливую пластиковую гофру. Одним резким движением титанового скальпеля, который он сжимал в руке, Максим вскрыл обшивку.

За ней открылось пространство внешнего технического балкона. Прямо в лицо ударил шквал ледяного ночного дождя. Капли мгновенно заструились по лицу, смешиваясь с потом. Максим вывалился наружу, едва успев ухватиться за поручень технологического мостика на высоте ста двадцати метров над Нижним городом.

В пяти метрах от него, бесшумно скользя по направляющим рельсам фасада, опускался массивный грузовой флаер корпорации. С его плоского днища спускались тросы, на которых крепились люльки чистильщиков внешних стекол. Но сейчас на платформе стояли трое оперативников СБ в тяжелой кевларовой броне. Лучи их подствольных фонарей шарили по обшивке здания, приближаясь к его укрытию.

— Фиксирую тепловой след на тридцать третьем уровне! — донеслось сквозь шум ливня.

«Мой выход, — рыкнул в голове Олег. — Отпусти руль, док. Просто расслабь пальцы. Я поведу».

Максим почувствовал, как его сознание словно отодвинулось на заднее сиденье, став пассивным наблюдателем. Его тело изменилось. Осанка стала собранной, центр тяжести сместился вниз, а зрение, вопреки пелене дождя и бьющим лучам прожекторов, снайперски точно зафиксировало геометрию движения флаера.

Он больше не был рефлексирующим врачом. В этот момент он стал человеком, который привык принимать решения на скорости двести километров в час, когда между жизнью и смертью

лежит доля миллиметра.

Максим прыгнул.

Он преодолел трехметровый провал между мостиком и опускающимся флаером в один затажной, безумный прыжок. Его ботинки с глухим ударом врезались в металлическую аппарель платформы. Оперативник СБ, стоявший ближе всех, не успел даже поднять штурмовую винтовку — Максим, ведомый рефlekсами гонщика, перекатился через плечо, мгновенно сокращая дистанцию, и нанес короткий, страшный удар снизу вверх. Сверхпрочный титановый скальпель вошел точно под подбородок штурмовика, прошив мягкие ткани и застряв в основании черепа. Опер обмяк, его винтовка с металлическим звоном покатила по палубе.

Второй солдат успел вскинуть оружие, но Максим, не теряя инерции движения, перехватил падающее тело мертвеца, используя его как живой щит. Тяжелые плазменные разряды вгрызлись в бронезилет трупа, наполняя воздух запахом паленого кевлара и горелого мяса.

«Слева! Чисти левый борт!» — орал Олег в его голове.

Максим рванулся из-за щита. Его движения были неестественно быстрыми, смазанными. Он перехватил запястье второго оперативника, выкручивая его под неестественным углом до сухого хруста ломающихся костей. Винтовка выпала. Наотмашь, ребром ладони, Максим ударил штурмовика в горло, ломая хрящи. Тот захрипел и повалился навзничь, за борт платформы, исчезая в светящемся смоге Нижнего города.

Третий оперативник — пилот флаера — заблокировал кабину управления и лихорадочно пытался развернуть тяжелую машину, вызывая подкрепление по нейро-связи.

«Кабина из армированного лексана, — холодно зафиксировал аналитический мозг Максима-врача. — Скальпель её не возьмет».

«А нам и не нужно её ломать, — отозвался Олег. — Посмотри на гидравлику правого закрылка. Там распределительный клапан наружу торчит. Перережь магистраль!»

Максим прыгнул к техническому отсеку флаера. Один точный, глубокий удар скальпеля в толстый резиновый жгут гидравлики — и в лицо брызнула фонтаном ядовито-зеленая, раскаленная тормозная жидкость. Флаер резко накренился. Рулевые дюзы взвыли от потери давления. Закрылок заклинило в крайнем положении, и тяжелую платформу закрутило в воздухе, срывая с магнитных направляющих фасада.

Пилот внутри кабины в панике нажал кнопку аварийного сброса лексанового колпака, собираясь катапультироваться. Это была его роковая ошибка.

В ту же секунду, когда колпак отстрелился, Максим просунул руку внутрь кабины, схватил пилота за воротник бронезилета и с силой выдернул его из кресла, выбрасывая наружу, в ревущую пустоту ночи.

Максим рухнул в освободившееся кресло пилота. Приборная панель флаера полыхала красными огоньками системной аварии. Машина стремительно падала, вращаясь вокруг своей оси и задевая крыльями выступы небоскреба. Из пробитой магистрали хлестало масло.

— Мы разобьемся! — крикнул Максим вслух, пытаясь перехватить контроль над собственными руками.

«Расслабься, док, — выдохнул Олег, и внутри его голоса послышался безумный, счастливый оскал человека, который наконец-то вернулся на свою трассу. — Сейчас я покажу тебе, как летают настоящие профессионалы. Держись за зубы!»

Пальцы Максима легли на сдвоенные рычаги управления. Скорость падения росла. Сто метров до крыш Нижнего города. Семьдесят. Пятьдесят. Земля, расцвеченная грязными неоновыми вывесками притонов и дешевых рынков, летела им навстречу на бешеной скорости.

В самый последний момент, когда столкновение казалось неизбежным, руки Максима совершили серию молниеносных, ювелирных микродвижений. Он врубил реверс левого двигателя на полную мощность, одновременно заклинив правый.

Флаер совершил безумный, противоестественный вираж, проскользил брюхом по крыше заброшенного склада, высекая снопы искр, снес угловую антенну голо-связи и с тяжелым, глухим стуком замер в глубокой луже посреди темного, заваленного мусором переулка.

Двигатель в последний раз чихнул и заглох. Наступила тишина, нарушаемая только стуком дождя по деформированному корпусу.

Максим сидел в кресле, тяжело дыша. Его руки дрожали мелкой, неуправляемой дрожью. Внутренний голос Олега медленно затихал, растворяясь в глубинах синапсов, оставляя после себя ощущение дикой ментальной усталости.

— Спасибо, — тихо прошептал Максим пустому салону.

«Обращайся, док, — донеслось слабое эхо. — Но помни... блокаторы больше не удержат нас всех. Нас здесь много. И скоро мы захотим поговорить».

Максим выбрался из разбитой кабины на грязный асфальт. Его одежда была мокрой от дождя и гидравлического масла. Он знал, что через несколько минут этот сектор Нижнего города будет наводнен дронами-ищейками корпорации. Ему нужно было исчезнуть. И ему нужен был проводник — тот, кто не помнит его как Кукольника, но чье нейронное эхо связано с ним невидимой пуповиной.

Он должен был найти Анну. Пациентку № 404.

Глава 7. Встреча со слепой зоной

Нижний город пах гнилой капустой, дешевым синтетическим топливом и сыростью. Здесь, на самом дне мегаполиса, высотные магистрали превращались в ржавые надголовные конструкции, полностью закрывающие небо. Дождь, пробиваясь сквозь ярусы верхних кварталов, падал вниз тяжелыми, маслянистыми каплями, оставляющими на одежде серые разводы.

Максим шел по переулку, накинув на голову капюшон куртки. Его левая рука, которой он выкручивал запястье штурмовика, до сих пор неприятно ныла — чужие рефлексy ушли, оставив телу реальную физическую усталость и растянутые связки.

Ему потребовалось два часа, чтобы добраться до периферийного сектора «Грин-Хиллс». Название было издевательством корпоративных маркетологов: никаких холмов и зелени здесь не было с прошлого века — лишь бесконечные ряды серых пятиэтажных модулей для

низкооплачиваемого персонала «Мнемо-Тех». Именно здесь, согласно базе данных клиники, выделили социальное жильё Анне после того, как её прежний дом стал местом преступления.

Модуль № 14-Б встретил его тусклым светом дежурного люминофора в подъезде. Максим поднялся на третий этаж. Возле двери квартиры № 312 он замер, прислушиваясь. Внутри было тихо.

Максим коснулся панели вызова. Кожа на подушечках пальцев была содрана, и сенсор не сразу распознал тепловой след. Наконец, внутри квартиры раздался короткий электронный зуммер.

Прошло около минуты. За дверью послышались легкие, нерешительные шаги.

— Кто там? — голос Анны прозвучал сквозь динамик интеркома. Он был тихим, ровным и пугающе бесцветным. Так звучат люди, у которых вместе с болью вырезали часть души.

Максим глубоко вздохнул, стараясь придать своему лицу максимально спокойное, мирное выражение, и посмотрел прямо в объектив камеры наблюдения.

— Анна, здравствуйте. Меня зовут Максим. Я... частный детектив, — он заставил себя улыбнуться, хотя внутри всё сжималось от подступающей паранойи. — Меня наняла ваша сестра, Алина. До того, как... до того, что произошло.

За дверью воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Слово имя «Алина» было для её стертого мозга не знакомым словом, а странным, глухим звуком, не вызывающим никаких ассоциаций, кроме смутного беспокойства.

— У меня нет сестры, — медленно ответила Анна. — Вы ошиблись.

— Я знаю, что вы не помните её, — быстро, вполголоса заговорил Максим, приближаясь к микрофону. — Вам провели тотальную экстракцию в «Мнемо-Тех». Я тот самый врач, который делал операцию. Но сейчас клиника взломана. Тот, кто напал на вас... он украл капсулу с вашими воспоминаниями. И теперь он охотится за мной. Если вы мне не откроете, они найдут нас обоих.

Щелкнул тяжелый замок. Дверь медленно поползла в сторону.

Анна стояла на пороге, освещенная блеклым желтоватым светом прихожей. На ней был простой серый комбинезон. Без макияжа, с бледной кожей и темными кругами под глазами, она казалась еще моложе, чем на операционном столе. Но её взгляд... Максим вздрогнул. В её глазах не было страха. Там была абсолютная, пугающая пустота. Чистый лист. *Tabula rasa*.

Она внимательно осмотрела его — мокрую куртку, испачканные маслом джинсы, забинтованную грязным платком ладонь. Она не помнила кошмара ночи убийства. Но её подсознание, её нейронная сеть помнила структуру его ментального поля. Нейронное эхо процедуры чистки сработало безотказно: мозг Анны распознал в Максиме человека, который принес ей избавление от невыносимой боли. Она иррационально доверяла ему.

— Входите, — тихо сказала она и отступила в сторону.

Квартира Анны была такой же безликой, как и его собственная. Корпорация выдала ей стандартный набор мебели: кровать, стол, два стула, пищевой синтезатор. Ни одной личной вещи. Ни одной фотографии на стенах. Человек без прошлого в стерильной коробке.

Максим зашел, дверь за его спиной закрылась со знакомым гидравлическим вздохом. Он устало опустился на стул у стола.

— Вы сказали, у меня была сестра? — спросила Анна, садясь напротив. Она смотрела прямо на него, не моргая. — Нам в реабилитационном центре сказали, что я попала в аварию на производстве. Что у меня был тяжелый шок, и мне убрали поврежденный сектор памяти ради моего же блага.

— Они солгали, — Максим положил руки на стол. Его пальцы всё еще подергивались от остаточного адреналина Олега. — Корпорация всегда лжет, когда дело касается её репутации. На ваш дом напали. Человек по кличке Кукольник. Он... уничтожил вашу семью. Вы были свидетелем. Я вырезал это воспоминание вчера утром, чтобы спасти ваш разум от разрушения.

Анна нахмурилась. Между её бровей пролегла тонкая складка. Её мозг пытался нащупать связь с терминами, которые произносил Максим, но наткнулся на искусственно созданные блоки.

— Зачем вы пришли ко мне сейчас? Если памяти нет, я ничем не могу вам помочь. Я ничего не знаю про этого... Кукольника.

Максим потянулся к внутреннему карману куртки, намереваясь достать инъектор, но вовремя остановился. Если она увидит медицинские приборы, это может вызвать панику.

— Дело в том, Анна, что этой ночью кто-то взломал архивы клиники и залил зеркальную копию вашей стертой памяти в мою голову. Я помню ту ночь. Но я помню её... не так, как вы.

Он замолчал, чувствуя, как в глубине его сознания, словно хищник в кустах, начинает ворочаться личность Кукольника. Сандаловый аромат на мгновение показался настолько реальным, что Максим едва не закашлялся. Он сжал кулаки так, что ногти впились в раненые ладони. Боль вернула контроль.

— Мне нужно найти оригинал вашей капсулы, — глухо продолжил Максим. — Он находится на черном рынке, на платформе «Лета». Если я смогу подключить его к терминалу и сравнить коды транзакций, я пойму, кто меня подставил. Кто хочет сделать из меня монстра. И... я смогу вернуть вам ваше настоящее «Я». Если вы этого захотите.

Анна долго молчала, глядя на свои бледные пальцы, сложенные на коленях. Потом она подняла глаза на Максима. В этой пустоте впервые промелькнуло что-то похожее на человеческую эмоцию — слабая, едва заметная тоска по утерянному дому.

— Я чувствую себя призраком, Максим, — тихо произнесла она. — Я просыпаюсь утром и не знаю, почему мне хочется плакать. Я смотрю в зеркало и не понимаю, чье лицо там вижу. Если у меня была сестра... я хочу помнить её. Даже если это больно.

Она встала со стула и подошла к вешалке у двери, снимая легкую куртку с капюшоном.

— Я пойду с вами. Куда нам нужно идти?

Максим поднялся вслед за ней. В этот момент где-то на окраине его восприятия снова послышался тихий, вкрадчивый голос Кукольника, сочащийся ядовитой иронией:

«Какая трогательная сцена, док. Ты ведешь овечку прямо на бойню. Ведь ты же знаешь... ты прекрасно знаешь, что будет, когда она вспомнит моё лицо».

Максим сцепил зубы, загоняя голос обратно в темноту.

— Нам нужно спуститься еще ниже, — сказал он Анне, проверяя титановый скальпель в кармане. — В самые трущобы. Туда, где торгуют чужими жизнями.

Глава 8. Эхо на двоих

Дождь на самом дне Нижнего города превращался в едкую взвесь, которая въедалась в ткань одежды и оставляла на губах горький химический привкус. Здесь, среди бесконечных лабиринтов из ржавых контейнеров, опутанных пучками оптоволокна, свет неоновое мегаполиса окончательно рассеивался. Пространство освещалось лишь редкими, мигающими вывесками круглосуточных ломбардов и дешевых лапшичных.

Максим и Анна шли быстро, держась ближе к глухим стенам технологических построек. Анна двигалась молча, натянув капюшон до самого подбородка. Её шаг был на удивление уверенным для человека, чью личность пересобрали заново всего сутки назад. Нейронное эхо процедуры создавало между ними странную, почти осязаемую связь: она без вопросов поворачивала туда же, куда и он, словно они были привязаны друг к другу невидимым ментальным кабелем.

— Куда мы идем? — тихо спросила она, когда они свернули в очередной глухой тупик, заваленный обломками старых серверов.

— Сектор сорок восемь, — на ходу ответил Максим, не оборачиваясь. — Подземный коллектор под старым депо. Там находится перевалочный пункт дилеров «Леты». Если капсулу не вывезли из города в первые часы, она всплывет именно там.

Внезапно в затылке Максима привычно и болезненно пульсировало. Нейро-разъем отозвался сухим, жгучим теплом.

«Назад, — в сознание ворвался резкий, панический шепот. Но это был не Олег и не Кукольник. Голос принадлежал женщине — тонкий, надрывный, дрожащий от удушающего, первобытного страха. Пациентка № 382. Елена. — Назад, Максим... Он за углом. Он стоит там, в темноте. У него в руках ремень. Он сейчас ударит...»

Максим замер как вкопанный, едва не растянувшись на скользком пластиковом настиле. Сердце мгновенно ухнуло в пятки, дыхание перехватило. Накатила волна дикой, иррациональной беспомощности. Ему захотелось упасть на колени, закрыть голову руками и сжаться в комок, моля о пощаде. Чужой страх перед домашним тираном парализовал его двигательные центры. Его правая нога мелко задрожала.

— Максим? Что с вами? — Анна обернулась, заметив его внезапную остановку.

Она сделала шаг к нему и коснулась его плеча. Ладонь у неё была холодной, но это прикосновение подействовало на его распадающееся сознание как разряд дефибриллятора. Личность Елены с глухим ментальным стоном отступила обратно в синаптические щели. Максим шумно, со свистом втянул в легкие влажный воздух. На лбу выступил крупный, холодный пот.

— Всё в порядке... — выдавил он, вытирая лицо дрожащей рукой. — Просто... остаточная диффузия. Память сопротивляется.

И в эту секунду темноту переулка разрезали три мощных луча прожекторов.

Они ударили с крыш противоположных контейнеров, намертво пригвоздив Максима и Анну к месту. Из серой пелены дождя бесшумно вынырнули четыре квадрокоптера-ищейки с эмблемами «Мнемо-Тех». Их фюзеляжи хищно поблескивали композитной броней, а под объективами камер зловеще зажужжали спаренные стволы иглострелов с транквилизатором.

— Объект визуализирован, — раздался над головами сухой, синтезированный голос ИИ-координатора СБ. — Гражданка Анна, отойдите от подозреваемого на три метра и лягте на пол. Максим В., вы нарушили условия корпоративного карантина. Любое сопротивление повлечет за собой немедленную терминацию ментального контура.

— Беги... — прохрипел Максим Анне, нащупывая в кармане рукоять скальпеля, хотя понимал, что против дронов это всё равно что бросаться на амбразуру с зубочисткой.

Но Анна не сдвинулась с места. Она посмотрела на дроны, затем на Максима, и в её пустых глазах впервые проснулась какая-то древняя, подсознательная ярость — отзвук того самого ужаса, который она пережила в ночь убийства сестры, когда была абсолютно беспомощна. Её мозг, зачищенный от конкретных образов, сохранил чистую, дикую реакцию на насилие.

Она резко рванулась вперед, но не назад, а прямо к Максиму, наваливаясь на него всем телом и увлекая за собой вниз, на грязный настил.

В ту же секунду воздух над ними затрещал. Иглострелы дронов выдали синхронный залп. Десятки тонких титановых игл, начиненных парализующим нейротоксином, с сухим шорохом прошли пространство там, где только что стоял Максим, и веером вонзились в ржавую стену контейнера.

«Мой трек! — в голове Максима, почуяв адреналиновый взрыв, мгновенно проснулся Олег-гонщик. Он не стал перехватывать контроль над всем телом, но его безумная, просчитанная до миллисекунд реакция заставила руки Максима действовать автономно. — Справа под настилом силовой кабель! Рви его, док!»

Максим, лежа под Анной, выбросил правую руку вбок. Пальцы, ведомые рефлексом Олега, мгновенно нащупали толстую, влажную гофру распределительного кабеля, питавшего неон всего переулка. Одним яростным, точным движением титанового скальпеля он полоснул по пластику.

Лезвие с легкостью вскрыло изоляцию, добравшись до медных жил под напряжением в триста вольт. Вспыхнула ослепительная, сине-белая электрическая дуга.

Максима швырнуло назад, по рукам до самого плеча прошел болезненный судорожный удар тока, но физика сработала быстрее. Энергосистема переулка коротнула. Мощный электромагнитный импульс от взрыва распределительного щита ударил по чувствительной электронике квадрокоптеров.

Дроны «Мнемо-Тех» синхронно закружились на месте, их винты захлебнулись, и все четыре машины с тяжелым металлическим стуком посыпались на асфальт, высекая искры из разбитых объективов. Переулок снова погрузился в спасительную, глухую тьму.

Максим лежал на спине, его левая рука мелко подергивалась от пропустившего ток разряда, а в глазах плавали зеленые круги. Анна быстро поднялась, схватила его за воротник куртки и с неожиданной силой потащила за собой.

— Вставай, — жестко, без тени прежней потерянности приказала она. — Они зафиксируют падение дронов. Сюда уже летят другие.

Они побежали дальше, вглубь сорок восьмого сектора, оставляя позади искрящийся кабель. Границы между их личностями продолжали медленно, но необратимо истончаться. Максим чувствовал, как внутри его черепа, словно в ржавом котле, варятся чужой страх, чужая скорость и его собственное, нарастающее безумие.

А в самой глубине этого лабиринта, довольно жмурясь, сидел Кукольник. Он пока молчал, но Максим физически ощущал, как пальцы его правой руки — той, что держала скальпель — тоскуют по безупречной, хирургической точности его настоящего прошлого.

Глава 9. Черный рынок «Леты»

Вход в коллектор под старым депо сорок восьмого сектора выглядел как обычный провал в бетонной стене, забраный полусгнившей решеткой. Изнутри несло застоявшейся водой, тяжелыми машинными маслами и кислым запахом дешевой наркотической «химии», которой закидывались обитатели Дна.

Максим, придерживая онемевшую после удара током левую руку, протиснулся сквозь выломанные прутья первым. Анна скользнула следом.

Пройдя около сотни метров по затопленному по щиколотку туннелю, они уперлись в тяжелую гермодверь, некогда защищавшую кабельные узлы старого города. Сейчас на ней краской из баллончика было размашисто выведено: *LETHE*. Из-за стыков металла пробивался тусклый, багровый свет и доносился глухой, вибрирующий басс — под землей всю жизнь своей жизнью подпольный рынок краденой памяти.

Максим трижды ударил по металлу рукоятью скальпеля. Окошко на уровне глаз со скрипом отъехало. Из темноты на них уставился узкий, механический объектив чьего-то имплантированного глаза.

— Чистильщик, код 9-9-0, — хрипло произнес Максим, используя свой старый рабочий идентификатор, который он когда-то применял для вневедомственных контрактов. — Мне нужен дилер по имени Семён. У меня есть товар на обмен.

Объектив несколько раз щелкнул, сканируя сетчатку глаза Максима и бледное лицо Анны, застывшей за его плечом. Наконец, тяжелые гидравлические запоры двери пришли в движение, и она медленно поползла вверх.

Они шагнули внутрь. Подпольный клуб «Леты» напоминал кошмарный сон нейрохирурга. Огромный кабельный зал бывшего депо был заставлен рядами полуразобранных стоматологических кресел, к которым тянулись жгуты оптоволокна прямо с потолка. На этих креслах в полуобморочном состоянии сидели и лежали люди — «мнемо-джанки», наркоманы новой эпохи. В их открытые нейро-разъемы на затылках были вставлены мерцающие капсулы. Кто-то судорожно дергался, переживая чужой прыжок с парашютом или оргазм, кто-то тихо плакал, раз за разом прокручивая чужую, купленную за копейки скорбь.

Посреди зала, за барной стойкой из сваренных серверных стоек, сидел Семён — сухощавый старик с протезом вместо левой руки и сеткой шрамов вокруг разъемов на висках.

— О, какие люди, — Семён оскалился, обнажив желтые керамические зубы. — Макс. Живой. А в СБ-новостях говорят, что ты словил терминальный откат и пустил под откос корпоративный флаер. Зачем пришел? И что за девчонка с тобой? У неё взгляд как у выпотрошенной рыбы.

— Нам нужен слепок пациентки 404, — Максим подошел вплотную к стойке, опираясь на неё здоровой рукой. — Его украли из моей клиники вчера вечером. Бордовая капсула, высший уровень блокировки. Твои люди мониторят транзакции в даркнете. У кого она?

Семён налил в пластиковый стакан мутную жидкость и сделал глоток. Его механический глаз зажужжал, фокусируясь на Максиме.

— Слепок «Кукольника»? Ночь убийства? О, парень, ты опоздал. Эта штука ушла на закрытый аукцион через десять минут после того, как её вынесли из твоего блока. За неё бьются такие люди, до которых твоя корпорация даже доплюнуть не сможет. Номинал лота — полмиллиона кредитов. Торги закроются через полчаса.

— Кто продавец? — Максим подался вперед, его пальцы в кармане куртки побелели, сжимая титановую рукоять скальпеля.

— Правила рынка, Макс, ты же знаешь, — Семён сочувственно покачал головой. — Анонимность. Я не суицидник, чтобы сдавать код продавца первому встречному беглому доку. Даже такому хорошему, как ты.

«Он врёт, — внезапно ожил в голове Олега-гонщик, его голос вибрировал от ярости. — Посмотри на его правую руку, док. Он подергивает пальцами. На третьем сервере за его спиной горит маркер активной трансляции. Информационный шлюз открыт прямо сейчас. Он сам ведет этот аукцион!»

Максим почувствовал, как внутри него поднимается ледяная волна. Но это был не Олег. И не испуганная Елена. Из самых темных глубин его синапсов, лениво потягиваясь, вышла личность Кукольника. Холодный, расчетливый интеллект монстра мгновенно оценил обстановку: трое охранников с шокерами у входа, Семён у терминала, Анна — слабая зона, которую нужно защитить.

«Хочешь узнать код? — бархатистый шепот Кукольника зазвучал так близко, словно маньяк стоял прямо за его правым ухом. — Позволь мне. Я умею договариваться с отребьем. Один точный надрез по сонной артерии, и его механический глаз сам выплюнет нам все логи».

— Нет, — вслух прорычал Максим, хватаясь за голову. Окружающие мнемо-джанки даже не повернулись на его крик.

— Что «нет»? — нахмурился Семён, инстинктивно отстраняясь от стойки. — Ты в порядке, док? У тебя зрачки разного размера. Тебе реально блокаторы нужны, а не слепки.

В этот момент Анна, до сих пор молча стоявшая позади, резко шагнула вперед. Она не знала, с какими призраками борется Максим, но её обостренное, зачищенное восприятие уловило главное — Семён является препятствием.

Прежде чем старик успел среагировать, Анна схватила со стойки тяжелую бутылку из-под синтетического алкоголя и с глухим, страшным звуком обрушила её на металлическую руку Семёна. Протез брызнул искрами, сервоприводы заклинило. Анна перемахнула через стойку с ловкостью, которой у неё никогда не должно было быть, схватила Семёна за волосы и с силой прижала его лицо к раскаленной панели серверного блока.

— Код, — коротко бросила она. Её голос был абсолютно ровным, в нем не было ни капли злости — лишь холодная исполнительность робота. — Дай ему код.

Семён закричал, от его щеки повалил едкий дым со вкусом паленой кожи. Охранники у входа вступились и потянулись к оружию.

«Моя трасса! — рявкнул Олег. — Перехватываю управление!»

Максим позволил гонщику занять место у руля своего тела. Он развернулся, подхватил со стойки тяжелый металлический стул и точным, выверенным движением швырнул его в ближайшего охранника. Стул влетел парню прямо в грудь, опрокидывая его вместе с креслом очередного джанки.

Второму охраннику Максим не дал даже прицелиться: сократив дистанцию в три молниеносных шага, он перехватил его руку с шокером, вывернул её наружу и вогнал титановый скальпель точно под коленную чашечку. Солдат взвыл и рухнул на колени, а Максим, крутанувшись на пятке, добавил ему локтем в челюсть, выключая сознание.

Третий охранник, оценив скорость соперника, бросил оружие и просто сиганул назад в туннель коллектора.

Максим тяжело дышал, стоя посреди разгромленного зала под затихающее эхо адреналинового рева Олега. Он обернулся к стойке.

Анна продолжала удерживать хрипящего Семёна лицом на сервере. Старик левой, уцелевшей рукой лихорадочно стучал по клавиатуре.

— Всё! Всё, сука, забирайте! — прохрипел Семён. — Шлюз открыт на главном проекторе. Капсула... капсула не продана. Аукцион идет из заброшенного цеха «Мнемо-Тех» на старой набережной. Продавец... продавец зашел под твоим личным кодом доступа, Максим! Это твой цифровой след!

Максим медленно подошел к парящей в воздухе голографической панели. На экране светился открытый лот: бордовая крио-капсула № 404. А в графе «Эмитент транзакции» горели зеленые буквы, от которых у Максима заледенела кровь:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: МАКСИМ В. СТАТУС: ВЛАДЕЛЕЦ.

Он сам выставил память Анны на продажу. Точнее, та его часть, которая не помнила, что она — врач.

— Нам пора, — Анна отпустила Семёна, тот мешком повалился на пол за стойкой. Она посмотрела на Максима своим чистым, пустым взглядом. — Мы знаем, куда идти. На набережную. К тебе настоящему.

Глава 10. Набережная разбитых зеркал

Старая набережная Нижнего города упиралась в мертвый, затянутый маслянистой пленкой технический канал. Когда-то здесь разгружали баржи с процессорами, но теперь заброшенные цеха первого завода «Мнемо-Тех» высились во тьме подобно скелетам доисторических чудовищ. Огромные голые рамы окон, выбитые и заржавевшие, ловили тусклые отсветы

верхних ярусов мегаполиса.

Дождь здесь превратился в сплошную ледяную стену. Вода с шумом стекала по наклонным бетонным плитам прямо в черную пасть канала.

Максим и Анна пробрались внутрь главного сборочного цеха через пролом в стене. Внутри было просторно и страшно. Потолок терялся на высоте двадцати метров, а с ржавых балок свисали остатки манипуляторов, похожие на лапы гигантских пауков.

В самом центре цеха, на очищенном от мусора бетонном пяточке, горел одинокий прожектор. В его луче стояла портативная медицинская стойка, а на ней — та самая бордовая крио-капсула под номером 404. От неё к старому терминалу тянулся толстый шлейф незащищенных кабелей. Экран терминала мерцал, отсчитывая последние пять минут до закрытия аукциона.

Максим сделал несколько шагов вперед, его ботинки гулко чавкали по мокрой бетонной крошке. Анна двигалась чуть позади, её капюшон был сброшен, и капли дождя блестели на её бледной коже.

— Мы на месте, — тихо сказала она. — Но здесь никого нет.

— Здесь есть я, — ответил Максим. Но его собственные губы едва повиновались ему.

В ту же секунду в его голове взорвался оглушительный, торжествующий хохот. Это был не Олег и не Елена. Кукольник больше не шептал. Он рванулся наружу, затапливая сознание Максима ледяной, парализующей волей.

Максим упал на одно колено, хватаясь руками за голову. Нейро-разъем на затылке горел так, словно туда залили расплавленный свинец. Правая рука, подчиняясь чужому приказу, сама вытащила из кармана титановый скальпель.

«Какая безупречная, филигранная глупость, док! — бархатный голос Кукольника теперь звучал прямо из его собственного горла. Максим слышал, как его собственный голос ломается, меняя интонации на вкрадчивые и мягкие. — Ты действительно думал, что борешься со мной? Ты думал, что я — чужой слепок, который кто-то влил в твой мозг?»

Максим пытался закричать, но из груди вырывался лишь хрип. Его левая рука, подконтрольная остаткам его собственной воли, судорожно вцепилась в правое запястье, пытаясь удержать скальпель. Он боролся сам с собой, катаясь по грязи в луче прожектора.

«Вспомни! — приказал Кукольник, и перед глазами Максима вспыхнула ослепительная вспышка настоящих, не заблокированных воспоминаний. — Нет никакой зеркальной копии. Нет никакого хакера. Ты и есть Кукольник, Максим! Ты стирал память своим жертвам перед тем, как их уничтожить, чтобы их слепки на черном рынке были абсолютно чистыми, без наведенного страха! Ты делал это годами. А потом твой трусливый мозг врача не выдержал. Вчера ночью, после сестры Анны, ты сам заблокировал свою собственную память. Ты сам создал "Максима-доктора", чтобы спрятаться от того, кем ты являешься на самом деле!»

Пальцы правой руки Максима медленно, но верно преодолевали сопротивление левой. Скальпель развернулся лезвием к Анне.

Анна стояла в трех шагах. Она смотрела на эту страшную, противоестественную борьбу человека с самим собой. На её лице не было паники. Её стертый мозг работал сейчас как чистый логический процессор.

— Максим, — позвала она. Её голос прозвучал удивительно чисто сквозь шум бури. — Если ты — это он... почему ты привел меня сюда? Почему ты защищал меня от дронов?

— Беги... — сквозь зубы, брызгая кровавой пеной, прорычал Максим. — Я... я удерживаю его... Олег! Помоги мне!

«Я не могу, док! — в панике отозвался гонщик, его голос стремительно угасал, растворяясь в доминантной матрице Кукольника. — Он сильнее... Его код базовый. Мы все просто... просто его маски...»

Кукольник полностью перехватил контроль. Максим медленно поднялся с колен. Его лицо разгладилось, приобретя выражение абсолютного, холодного спокойствия. Зрачки расширились, заполнив собой почти всю радужку. Он посмотрел на Анну и мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ну вот и всё, Анечка, — сказал он её родным голосом, но с интонациями чудовища. — Спектакль окончен. Доктор Максим ушел в отставку. Сейчас аукцион закроется, транзакция подтвердит твой цифровой след, и СБ спишет всё на безумного хирурга. А я заберу оригинал твоей памяти и найду себе новый город. И новую операционную.

Он сделал шаг к ней, изящно перехватив скальпель пальцами — точно так, как держал его во время сотен деликатных процедур.

Анна не отступила. Вместо этого она сделала шаг навстречу и протянула руку к панели терминала, за спиной Максима. На экране оставалось десять секунд. На панели горела большая физическая кнопка: «**СИНХРОНИЗАЦИЯ И ВОЗВРАТ КОНТУРА**». Если нажать её, содержимое бордовой капсулы мгновенно, без блокирующих фильтров, выльется обратно в нейро-сеть того, кто подключен к системе или находится в зоне трансляции.

— Ты сказал, что я чувствую себя призраком, — тихо произнесла Анна, глядя прямо в глаза Кукольника. — Я не боюсь твоей боли. Я хочу вернуть свою жизнь. Всю целиком.

Её палец опустился на кнопку.

Терминал выдал пронзительный электронный писк. Бордовая капсула внутри крио-стойки с шипением открылась, и мощный направленный луч беспроводной нейро-трансляции — жесткий, нефильТРованный поток терабайтов чужих воспоминаний, криков, крови и ужаса той ночи — ударил по их разъемам.

Максима швырнуло навзничь. Но в эту же секунду удар ментальной волны сокрушил и саму структуру Кукольника. Анна рухнула рядом, её тело забилося в судороге, когда стены её защищенного разума рухнули под напором возвращенного прошлого.

Переулок, дождь, старый цех — всё исчезло в бешеном водовороте синаптического взрыва. Наступила абсолютная, ослепительная темнота.

ЧАСТЬ III. ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ

Глава 11. Серверная комната

Чернота не была пустотой. Она была перегружена звуками. Вой сирен, скрежет сминаемого металла, крики Олега, тихий плач Елены и, над всем этим — изящный, вкрадчивый смех Кукольника. Миллионы синапсов Максима одновременно взрывались, как перегруженные трансформаторы.

А затем наступила мертвая, стерильная тишина.

Максим открыл глаза. Он лежал на грязном бетонном полу заброшенного цеха. Дождь по-прежнему хлестал сквозь проломы в крыше, но звуки бури казались далекими, будто записанными на старую магнитную ленту.

В двух шагах от него на боку лежал терминал. Направленный луч нейро-трансляции иссяк — бордовая капсула № 404 была пуста. Рядом, свернувшись калачиком в луже грязной воды, лежала Анна. Её пальцы мелко дрожали, а из-под закрытых век быстро-быстро перекатывались зрачки. Её зачищенный мозг прямо сейчас принимал гигантский, нефильТРованный массив её собственного прошлого. Возвращение вырезанного ада происходило без наркоза.

Максим попытался подняться, но собственное тело показалось ему чужим, собранным из дефектных деталей. Нейро-разъем на затылке пульсировал тупой, маслянистой болью.

«Ты живой, док?» — слабый, едва различимый голос Олега донесся из какого-то далекого угла его сознания. Гонщик был едва слышен, его личность сильно обгорела в огне недавнего ментального взрыва.

Максим не ответил. Он сел, опираясь спиной на ржавую станину старого станка. В его правой руке по-прежнему был зажат титановый скальпель.

Внутри его мыслей было странно тихо. Кукольник не смеялся. Он затаился. Удар нефильТРованной памяти Анны — памяти, в которой он был абсолютным, неоспоримым злом — временно оглушил монстра, но Максим физически чувствовал его присутствие. Кукольник сидел в самом основании его черепа, тяжелый и холодный, как свинцовая пуля, застрявшая в кости. Он ждал, пока спадет нейронный шок.

— Анна... — хрипло позвал Максим. Его голос был плоским, лишенным прежних интонаций Кукольника. Врач вернулся на свое место, но его операционная была разрушена.

Девушка вздрогнула. Её дыхание сорвалось на свистящий всхлип. Она медленно открыла глаза.

Максим похолодел. Из этих глаз ушла прежняя блаженная, чистая пустота. На её место вернулось всё. Максим видел, как в её зрачках отражаются воспоминания о темной комнате, запахе сандала, звенящих инструментах и криках её сестры. И самое страшное — теперь она точно, абсолютно точно помнила лицо того, кто держал нож.

Она посмотрела на Максима. Её взгляд был смесью первобытного ужаса и дикой, испепеляющей ненависти.

Анна судорожно отползла назад, тяжело дыша, её спина уперлась в бетонное основание стойки терминала. Она перевела взгляд на его правую руку, в которой поблескивал скальпель.

— Это... это был ты, — её голос больше не был бесцветным. Он дрожал, срываясь на крик, полный слез и невыносимой боли. — Это твои руки... Твой голос. Ты... ты улыбался, когда...

— Анна, послушай меня, — Максим поднял левую, свободную руку ладонью вперед, пытаясь остановить её панику. — Пожалуйста. Тот, кто сделал это... он внутри меня. Но это не весь я. Корпорация... я сам... мы заперли его. Я не помнил. Я искренне пытался помочь тебе.

— Ты стер меня! — закричала она, и из её глаз наконец хлынули слезы. — Ты убил Алину, а потом выжег мне мозг, чтобы я не могла дать показания! Ты спрятался за своим белым халатом!

— Да, — тихо, безропотно согласился Максим. Отрицать очевидное было бессмысленно. Исходный код транзакции, тайник в его квартире, его собственные проснувшиеся рефлексy — всё указывало на то, что Кукольник был его фундаментом. — Я спрятался. Но сейчас барьеры рушатся. Он просыпается. Если он вернет контроль, мы оба отсюда не выйдем.

Он протянул руку и указал на мерцающий экран терминала. Аукцион был закрыт. Но на панели управления, под разбитым лексановым стеклом, загорелся новый системный индикатор: **«ДОСТУП К КОРНЕВОМУ ИНТЕРФЕЙСУ СЕТИ "МНЕМО-ТЕХ" САНКЦИОНИРОВАН»**.

Поскольку транзакция была проведена под личным кодом Максима, старый терминал завода распознал его как ведущего специалиста корпорации и открыл прямой шлюз в общую нейросеть. Отсюда, из этой ржавой серверной комнаты заброшенного цеха, можно было подключиться к главному ядру клиники.

Максим тяжело поднялся на ноги. Его шатало.

— Мне нужно войти в систему, — сказал он, глядя на Анну. — Прямо сейчас. Пока Кукольник не пришел в себя. Я должен найти архивные файлы годичной давности. Я хочу увидеть, как они создали «Максима-врача». И... я должен найти способ остановить его. Навсегда.

Анна смотрела на него снизу вверх. В её глазах боролись два чувства: желание схватить кусок ржавой арматуры и вбить его в затылок монстра, и понимание того, что человек, стоящий перед ней, сейчас действительно пытается совершить самоубийство ради её спасения.

— Ты не сможешь, — глухо произнесла она, вытирая слезы рукавом комбинезона. — Он сильнее тебя. Я видела его той ночью. У него нет жалости. Он не человек.

— У него нет, — Максим подошел к терминалу и взял толстый, шершавый кабель нейро-разъема. Металлические штыри на конце кабеля зловеще поблескивали в луче прожектора. — Но у меня есть ты. И у меня есть те, кого он пытался стереть.

Он повернулся к терминалу спиной. Его пальцы нащупали порт на собственном затылке.

«Не делай этого, док, — в последний раз прошептал Олег. — Если ты подключишься к корневой сети без фильтров, твой мозг превратится в открытый распределительный щит. Тебя выжжет».

— Знаю, — ответил Максим пустому цеху. — Но гонка подошла к концу, Олег. Пора глушить мотор.

Одним резким, точным движением он вогнал разъем кабеля в свое основание черепа. Мир вокруг него с громким сухим щелчком растворился в каскаде цифрового света.

Глава 12. Корневой сектор

Вспышка не принесла боли — только ощущение того, как его сознание мгновенно растянулось по тысячам километров оптоволоконных магистралей. Максим больше не находился в заброшенном цеху. Он стоял посреди бесконечного, уходящего в сизое небо неоновом лабиринта. Вокруг него сплошными стенами неслись гигантские массивы данных: зашифрованные логи корпорации, терабайты чужих отчужденных воспоминаний, мерцающие транзакции черного рынка. Корневой интерфейс «Мнемо-Тех» выглядел как холодный, безупречный геометрический ад.

— Ну здравствуй, Максик, — раздался сзади знакомый, мягкий, бархатный голос.

Максим обернулся. В паре метров от него, на платформе из чистого, зеркального кода, стоял его двойник. Но на нем не было промокшей под дождем куртки и грязных джинсов беглого доктора. Он был одет в безупречный, идеально скроенный дорогой костюм. На его лице играла легкая, снисходительная улыбка, а пальцы правой руки привычно, с изящной легкостью жонглировали хирургическим зажимом. Это был Кукольник в своем истинном, первозданном цифровом облике.

— Ты действительно думал, что сможешь победить меня на моем же поле? — Кукольник сделал шаг вперед, и зеркальный пол под его ногами пошел мелкой рябью. — Ты подключился напрямую к ядру. Здесь нет физических ограничений, нет твоих дурацких моральных барьеров. Здесь я — бог. Я управляю терабайтами этой памяти.

— Ты просто вирус, — Максим попытался сделать шаг назад, но его ноги увязали в зыбучем цифровом коде. Интерфейс системы распознавал Кукольника как приоритетного пользователя, а «Максима-врача» — как системную ошибку, подлежащую удалению. — Корпоративный эксперимент, который сорвался с цепи.

— Ошибка? О нет, дорогой мой. Я — лучшее, что они создали, — Кукольник рассмеялся, и его смех эхом разнесся по информационным шлюзам. — Они хотели получить идеального чистильщика. Человека, который может зайти в чужую голову, забрать самое ценное и не оставить следов. И они его получили. Но они испугались моей эффективности. Они попытались запереть меня в твоём теле, накрыв сверху этой нелепой, жалостливой фальшивкой — «доктором Максимом». Но фундамент нельзя стереть, Макс. Нас не двое. Ты — это просто моя тень, которая вообразила себя человеком.

Кукольник взмахнул рукой, и стены лабиринта вокруг них начали стремительно сжиматься. Потоки данных превратились в тяжелые, плотные кабели, которые опутали ноги Максима, лишая его возможности двигаться. Информационная масса ядра «Мнемо-Тех» начала поглощать его, стирая его личность байт за байтом. Максим чувствовал, как из его мыслей исчезают воспоминания о клинике, о медицинском долге, о его собственной жизни.

— Сейчас я очищу этот сектор, — тихо, почти с нежностью прошептал Кукольник, приближаясь к нему вплотную. Его зеркальные глаза заполнили всё поле зрения Максима. — И мы вернемся к работе. У нас впереди еще столько незавершенных процедур...

«Эй, водила! — внезапно прорезал цифровой гул резкий, яростный крик. — Ты забыл, что на этой трассе есть и другие участники!»

Из темноты информационного потока, прямо сквозь стену сжимающегося кода, вылетел яростный, багровый вихрь. Личность Олега-гонщика, собравшая свои последние, обугленные ментальные силы, протаранила защитную оболочку Кукольника. На долю секунды хватка монстра ослабла.

«Давай, док! Рви корневой каталог! — орал Олег, его цифровой силуэт стремительно распадался на пиксели под ударами защитных систем ядра. — Я держу его! Жми на газ!»

Максим, собрав всю оставшуюся волю, совершил рывок вперед. Его рука, преодолевая сопротивление программного кода, потянулась к главному системному терминалу ядра, горевшему ярким, белым светом в самом центре платформы.

Кукольник взвыл от ярости. Одним резким движением он буквально разорвал ментальный проектор Олега — багровая вспышка погасла, и голос гонщика затих навсегда, оставив после себя лишь пустое синаптическое эхо. Монстр развернулся к Максиму, его лицо исказилось от бешенства, теряя человеческие черты и превращаясь в кошмарную маску из битых пикселей.

— Я выжгу тебя до основания! — закричал Кукольник, бросаясь на него.

Но Максим уже не слушал. Его пальцы коснулись белой панели корневого терминала. Он не стал искать архивные файлы корпорации. Он не стал пытаться спасти себя. Он ввел единственную команду, которую доктор Максим имел право активировать в случае тотального заражения нейро-сети клиники.

КОД ТОТАЛЬНОЙ ЭКСТРАКЦИИ: СТИРАНИЕ ВСЕХ ЛОКАЛЬНЫХ НОСИТЕЛЕЙ.

— Нет! Что ты делаешь?! Ты сотрешь нас обоих! — в глазах Кукольника впервые промелькнул настоящий, человеческий ужас.

— Мы уходим вместе, — тихо сказал Максим.

Белая вспышка, начавшаяся от терминала, мгновенно охватила всю платформу. Она была невероятно мощной, стирающей любые структуры, любые коды, любые воспоминания. Лабиринт «Мнемо-Тех» вокруг них начал рушиться, распадаясь на чистый, неформатированный белый шум.

Кукольник кричал, его идеальный костюм и безупречное лицо растворялись в этой белизне, превращаясь в ничто. Максим смотрел на это, чувствуя, как вместе с монстром уходит и его собственное «Я». Его мысли становились легкими, прозрачными и абсолютно чистыми. Боль отступила. Страх исчез. Наступила долгожданная, стерильная тишина.

В заброшенном цеху на старой набережной раздался громкий, металлический треск. Терминал под управлением Анны вспыхнул снопом зеленых искр и навсегда погас. Толстый кабель, ведущий к затылку Максима, задымился, пахнув паленой изоляцией.

Максим медленно повалился набок. Его глаза были открыты, но в них больше не было ни безумия Кукольника, ни скорби врача. Они были абсолютно чистыми. Чистый лист. *Tabula rasa*. Он дышал, его сердце билось, но внутри этой оболочки больше не осталось никого.

Анна медленно подошла к нему. Дождь по-прежнему шумел за стенами цеха, смывая грязь с бетонного пола. Она посмотрела на человека, который спас её, уничтожив самого себя. Она помнила всё: и кошмар убийства, и его добрые глаза в клинике, и ту яростную борьбу, которую он вел внутри своего черепа.

Она аккуратно опустилась на колени, протянула руку и закрыла ему глаза.

— Спасибо, Максим, — тихо произнесла она.

Анна поднялась, накинула капюшон куртки и, не оборачиваясь, пошла к выходу из цеха. Она возвращалась в Нижний город. У неё было тяжелое, страшное прошлое, но теперь это было её прошлое. И у неё впереди была целая жизнь, чтобы научиться жить с ним заново.

ЭПИЛОГ. СТРАНИЦА № 0

Нижний город не изменился. Он так же гудел голосами миллионов живых мертвецов, перемалывал тонны мусора и дышал ядовитыми испарениями сквозь вентиляционные шахты верхних ярусов. Корпорация «Мнемо-Тех» быстро замяла инцидент на старой набережной: сгоревший терминал списали на диверсию подпольщиков, а имя доктора Максима В. просто исчезло из всех баз данных, словно его никогда и не существовало.

Прошел месяц.

Анна сидела за столом в своей маленькой квартире в секторе «Грин-Хиллс». Окно было приоткрыто, и внутрь доносился привычный гул мегаполиса. Но на столе перед ней больше не было стерильной пустоты. Там лежала старая, чудом уцелевшая бумажная фотография, которую она нашла в тайнике под полом своего прежнего дома — дома, куда она наконец нашла в себе силы вернуться.

На снимке две девочки — она и Алина — смеялись, стоя на фоне редких, настоящих деревьев в Верхнем городе. Память об Алине теперь не была заблокирована. Она была живой, яркой и невыносимо болезненной. Но Анна больше не хотела бежать от этой боли. Эта боль доказывала, что она жива.

Внезапно на панели интеркома раздался тихий, ровный зуммер.

Анна вздрогнула. Она никого не ждала. Медленно поднявшись, она подошла к двери и включила экран внешнего наблюдения.

На пороге подъезда, под косыми струями вечного дождя, стоял человек. На нем был простой серый плащ с накинутым капюшоном. Его лицо оставалось в тени, но когда он поднял голову, подставив лицо тусклому свету люминофора, Анна почувствовала, как её сердце пропустило удар.

Это был Максим.

Но это был не тот Максим, которого она помнила. Его взгляд не был леденящим и расчетливым, как у Кукольника. И в нем не было той глубокой, изматывающей вины, которую до самого конца нес в себе доктор. Его глаза были абсолютно спокойными, чистыми и... пустыми. В них не было истории. Это были глаза новорожденного человека, заключенного в тело взрослого мужчины.

Анна открыла дверь.

Он стоял перед ней, слегка наклонив голову набок, словно пытался вспомнить какое-то очень

важное, но давно забытое слово. Его руки, на которых зажили все шрамы от недавних боев, мирно висели вдоль тела.

— Здравствуйте, — тихо сказал он. Его голос был мягким, но лишенным прежних интонаций. В нем не было ни вкрадчивости маньяка, ни уверенности хирурга. — Извините, если я помешал. Мне... мне дали этот адрес в социальном центре реабилитации.

Анна молчала, вглядываясь в его лицо.

— Мне сказали, что я попал в тяжелую аварию в секторе сорок Structural, — продолжил он, чуть замедлившись, словно подбирая термины. — У меня полная ретроградная амнезия. Я не помню, кто я, как меня зовут и что я делал. Врачи в центре сказали, что мой мозг — это чистый лист. Но среди моих немногих личных вещей, которые нашли в кармане старой куртки, был этот клочок бумаги.

Он протянул руку и разжал ладонь. На ней лежал грязный, размокший от дождевой воды обрывок медицинского бланка. На нем её собственной рукой, еще там, на заброшенном заводе, перед тем как включить трансляцию, было нацарапано: «*Анна. Грин-Хиллс, модуль 14-Б*».

— Я не знаю, кто вы, — тихо произнес он, глядя на нее своими чистыми глазами. — Но мне кажется... мне кажется, вы — единственный человек во всем этом городе, который знает, кто я такой. Пожалуйста... расскажите мне мою историю.

Анна смотрела на него. В её голове на мгновение пронеслись все кошмары прошлого: звенящие инструменты Кукольника, кровь, крики и безумная гонка по крышам Нижнего города. Она могла закрыть дверь. Могла сказать ему правду и увидеть, как ужас его собственного подлинного «Я» разрушит этот едва восстановившийся разум.

Но она посмотрела на его протянутую ладонь, на этот грязный клочок бумаги, который он берег как единственную нить, связывающую его с миром. Она поняла, что Кукольник мертв. Доктор Максим тоже мертв. Перед ней стоял кто-то третий — тот, кто заплатил самую высокую цену за то, чтобы получить право начать всё с нуля.

Анна сделала шаг назад, открывая дверь шире, и на её лице впервые за долгое время появилась слабая, теплая улыбка.

— Входите, — тихо сказала она, отступая вглубь прихожей. — Присаживайтесь. У нас впереди очень долгая ночь. И я расскажу вам... я расскажу вам историю о человеке, который очень хотел стать хорошим доктором.

Максим переступил порог. Дверь за его спиной закрылась со знакомым гидравлическим вздохом, навсегда отсекая шум, грязь и неоновые огни Нижнего города.

Лабиринт был пройден. На странице № 0 начиналась совершенно новая книга.